

ГЛАВА 1

Мама владеет целым арсеналом разных видов молчания и использует его, как джедай — Силу, чтобы подчинить меня своей воле. Бывает молчание, похожее на желтый сигнал светофора, — «будьте осторожны»; бывает молчание, через которое она рассматривает меня, как инопланетную букашку под лупой. Но чаще всего ее молчание напоминает разочарованного бегемота. И мама способна продемонстрировать мне этого бегемота, ни на секунду не отвлекаясь от непринужденного чаепития с гостями.

Так было и в тот вечер, когда погиб Дэнни.

Когда к нам в гости пожаловало семейство У, Дэнни стремглав слетел вниз по лестнице с грацией огромного буйвола в шортах и крикнул:

— Мэй-Мэй! Где мои носки со «Звездными войнами»? — Заметив гостей, он на миг замер, а потом расхохотался. — Все любят «Звездные войны», разве нет? — С этими словами он развернулся и побежал обратно к себе. Последние пару месяцев он был еще рассеяннее, чем обычно. Меня это удивляло.

Из кухни вышла мама, безупречно одетая, с жемчужинами пара на волосах. Покачав головой, она рассмеялась.

Затем смерила взглядом мои рваные джинсы и закрученные в пучок волосы. Я надела свою самую красивую толстовку, но мама все равно неодобрительно вскинула правую бровь. Впрочем, ее улыбка ни на миг не потускнела.

— Селеста! *Ни юэ лай юэ пяолян а*¹.

Мне она ничего не сказала.

Я быстро глянула на Селесту. Та и вправду выглядела безупречно. Прямые волосы ниспадали ей на спину шелковистой волной. Одетая она была в скромное черное платье чуть выше колена. На мне одежда такого свободного кроя смотрелась бы как мешок из-под картошки, но Селеста напоминала супермодель. Ее фигура будто была создана для ципао²: тоненькая, с едва заметными изгибами в нужных местах.

В ответ на мамино приветствие Селеста улыбнулась и чуть опустила голову.

— *Сесе, ау*³. — Она говорила на китайском без тени акцента, словно родилась не в Америке, а на Тайване.

Через пять минут Дэнни снова спустился к нам, по-прежнему посмеиваясь. На этот раз он был одет.

— Привет, дядюшка, привет, *ау*⁴. Привет, Селеста.

¹ Ты все время хорошеешь.

² Традиционное китайское платье.

³ Спасибо, тетушка.

⁴ Тетушка.

На щеках Селесты вспыхнул румянец, нежный, как цветы вишни.

«Тут ты ничем не отличаешься от других девчонок в школе», — подумала я, закатив глаза. Мама слегка цокнула языком и посмотрела на меня искоса.

Пока папа рассаживал гостей в столовой, я тихонько пробралась наверх и переоделась в облегающие джинсы с высокой талией и кремового цвета кардиган с кружевными рукавами. Его купила для меня мама некоторое время назад, а я даже ценник до сих пор не сняла. Как по мне, уж лучше толстовки. Я постаралась расчесать волосы, но они весь день были закручены в пучок и никак не хотели ложиться ровно. Пришлось снова убрать их наверх.

Когда я вернулась в столовую, поддергивая низ кардигана, Дэнни закашлялся и насмешливо приподнял бровь, глядя на меня. Я сердито зыркнула в ответ, и он попытался спрятать улыбку, дуя на горячую *ню жоу мянь*¹.

Мама поставила передо мной полную миску:

— *Жэдэ ганькуай чи а²*.

Даже чересчур горячо, но слишком аппетитно, чтобы долго ждать. Нежное мясо буквально таяло у меня во рту. Обжигаясь, но продолжая уплетать лапшу с говядиной за обе щеки, мы все дружно нахваливали мамину еду.

¹ Лапша с говядиной.

² Ешь, пока горячо.

— *Хайхао, эрги*. Неплохо, но не более того. Я совсем забыла приготовить *суаньцай*¹, с ними было бы вкусней, — с напускной скромностью отозвалась мама и сменила тему: — Как у тебя дела в школе, Селеста?

Та замерла, не донеся до рта палочки с лапшой:

— Все хорошо, *аи*.

— Я слышала, ты отлично сдала контрольную по математике, Мэй, — вмешалась тетя У.

— Не так хорошо, как Селеста, — тут же заметила моя мама. — Мне сказали, у нее лучший результат в классе!

Селеста смущенно поежилась. Уж не знаю, каким образом, но мама всегда в курсе моих оценок. И математика вызывает у нее особый интерес: она инженер по профессии. Это еще один повод для появления разочарованного бегемота. Мне на математику пофиг — я больше люблю писать.

— *Чжэнь лихай*², — одобрительно добавила мама, обращаясь к дяде и тете У.

— Она вечно занимается допоздна, совсем не щадит наши нервы, — покачала головой тетя У. — Я ей говорю: ложись спать, глаза испортишь! Но она все сидит над учебниками.

— *Буяо даньсинь*³. Она просто прилежная ученица.

— Я все время говорю ей, что надо больше отдыхать. Пятерка с минусом еще никого не убила! — Дядя У рассмеялся, глядя

¹ Квашеные овощи.

² Очень здорово.

³ Не стоит беспокоиться.

на моего папу. — Если б я принес домой пятерку с минусом, мама устроила бы праздник.

— Пятерка тебе светила только за взятку. Ты больше времени проводил в кабинете у директора, чем на уроках, — отозвался папа. Они посмотрели друг на друга и расхохотались, погрузившись в воспоминания.

Дядя У и мой папа росли вместе в Чайна-тауне Сан-Франциско. В разговоре они то и дело перескакивали с кантонского на английский и обратно — как амфибии, которым комфортно и в воде, и на суше. Мне нравилось смотреть, как преображался папа в компании дяди У. Он будто снова становился развязным, веселым подростком.

— Что бы подумал Джо, увидев нас сейчас? Приличных людей, да еще и семьянинов? — сказал дядя У, чавкая лапшой. — Глазам бы не поверил.

— Он был бы рад. — Папа погрузился и кинул взгляд в сторону гостиной, где на книжной полке стояла выцветшая фотография дяди Джо. — Это все благодаря ему.

— Ай-я¹, какими же хулиганами вы были, — сказала мама с притворным упреком, возвращая разговор в позитивное русло. — Хорошо, что мы познакомились уже после Чайна-тауна.

Она начала раскладывать по мискам новые порции лапши. Я помотала головой:

— Спасибо, мам, мне достаточно.

¹ Ах.

— Достаточно? Ты почти ничего не съела, Мэйбелин. — Имя мне придумала мама. В молодости, едва выпустившись из самого престижного тайваньского университета, она как-то раз увидела рекламу косметики Maybelline. Название показалось ей очень красивым и утонченным — в самый раз для ее будущей дочери.

Никто, кроме нее, не зовет меня полным именем.

Перед гостями мама старалась вести себя жизнерадостно, но ее жизнерадостность выглядела так же фальшиво, как загар на коже жителя Миннесоты посреди зимы. Подливая мне в миску бульон с мясом, она добавила:

— Я думала, ты любишь *ню жоу мянь*.

«Не позорь меня», — читалось в ее глазах.

Я и правда наелась, но спорить тут было бесполезно. Лучше уж промолчать. Каждый раз, погружаясь в свой внутренний мир, я немного его украшаю. У меня уже обустроена целая комната с книжками, кроватью и закусками. Мне здесь вполне комфортно.

Все принялись за вторую порцию лапши, а мама сделала вид, будто ее только что осенило, хотя, скорее всего, она ждала этого момента весь день.

— Дэнни, поделись хорошими новостями! — сказала она.

Тетя У выпрямилась.

— *Ши а!*¹ Сегодня ведь...

Дэнни замер, и в его глазах промелькнуло отчаяние. Он закашлялся:

— Mam, давай не сейчас.

¹ Точно.

— Сейчас самое время! Мы, считай, одна большая семья.

Пару мгновений Дэнни смотрел на миску с лапшой застывшим взглядом. Потом на его лице расцвела сияющая улыбка — так быстро, что никто ничего не заметил.

— Меня взяли в Принстон. — Сверху на правой щеке у него появилась ямочка. Мне каждый раз казалось, что кто-то по ошибке разместил ее слишком высоко.

Все наперебой принялись его поздравлять, и тут прозвучал чей-то вопрос:

— А из Стэнфорда еще не ответили?

Дэнни покачал головой. Он по-прежнему улыбался, но вот ямочка куда-то исчезла. Мне почудилось, будто он вот-вот растворится в воздухе под напором всеобщего энтузиазма и радостных возгласов.

Я нахмурилась, глядя на брата. Что-то было не так. Он отказывался встречаться со мной глазами, хотя наверняка чувствовал, как я телепатически заваливаю его вопросами.

— У нас тоже есть хорошие новости, — объявила тетя У, глядя на Селесту. Та ответила ей взглядом, в котором явно читалось: «Помолчи, мам», — и слегка помотала головой. Но тетю У это не остановило.

— Селесту взяли на летнюю стажировку в Google! Обычно туда принимают только выпускников, но ей удалось пройти, хотя она в десятом классе.

Тетя У прямо-таки надулась от восторга. Мама лишилась дара речи и с улыбкой всплеснула руками. Она никогда так не сияла от гордости, глядя на меня. Только на Селесту.

— Мэй, *ни нэ?*¹ Чем ты займешься этим летом? — спросила тетя У.

До меня донесся аромат жасмина — Селеста подлила всем чай, не поднимая глаз, а свою чашку наполнила в последнюю очередь. Глядя на тетю У, я беспомощно ответила:

— Ну, я... Я пока не решила.

Это явно был неправильный ответ.

— Мэй прекрасно пишет, — как всегда, заступился за меня Дэнни и добавил с ухмылкой: — И отлично танцует брейк.

Я подавилась куском говядины, но Дэнни это ничуть не смутило. Он продолжил:

— Раньше она хотела выступать вместе с JabbaWockeez и все свободное время разучивала движения.

Он глянул на меня и быстро подмигнул. Я благодарно улыбнулась в ответ. Дэнни знал, что я терпеть не могу быть объектом чужого внимания. Не выношу, когда меня пристально разглядывают. Оценивают. В такие моменты мне кажется, что окружающие видят все мои изъяны. Я до того ненавижу это чувство, что в седьмом классе чуть не завалила английский, отказавшись выступить с презентацией перед классом. К счастью, мистер Джонсон разрешил мне сделать это в одиночестве после уроков. С тех пор я осмелела, но ненамного.

— Помню, как Дэнни занимался вместе с Мэй в ее комнате, — добавил отец и неуклюже подергал головой, изображая танцевальное движение.

¹ А ты?

— Боже, па, прекрати. Этот талант она явно унаследовала не от тебя, — сказал Дэнни. Папа шутливо толкнул его в плечо. Все рассмеялись, разговор повернул в другое русло.

Мама убрала со стола грязные миски и палочки. Она ни слова мне не сказала. Это было излишним. Я и так прекрасно видела бегемота, неодобрительно качающего головой.

ГЛАВА 2

После ужина папа залез на стремянку, чтобы заменить лампочки в прихожей. Он одержим лампочками. Если они продаются со скидкой, он обязательно берет одну-две коробки, а то и десяток. У нас в доме есть целый шкаф, целиком набитый лампочками разных форм и размеров. Светодиодные, флуоресцентные, галогенные, неоновые, компактные люминесцентные и простые лампы накаливания — у папы есть все. Он меняет лампочки в доме подобно тому, как нормальные люди смотрят любимые сериалы — по расписанию, а иногда и запоями. Клянусь, когда-нибудь он сделает в гостиной стену из лампочек.

Я ущипнула его за большой палец ноги и сказала, задрав голову:

— В доме страшная вонь, па. Ты даже перед приходом гостей ноги не помыл?

— Мытье для слабаков. Вонючие ноги — признак настоящего мужчины, — отозвался он. Я поморщилась и зажала нос.

Наверняка папа специально меня поджидал, потому что заметил, что я расстроилась. Он всегда начинает менять лампочки рядом со мной, когда я хочу побыть одна.

— Ты закончил?

— Осталась только твоя комната, — жизнерадостно ответил он, слезая со стремянки. За последние годы он слегка располнел.

Я потыкала мягкую складочку у него на животе.

— Это классическая отцовская фигура, — сказал папа. — Твоя заслуга — и твоего брата.

— Лучше подушки и не придумашь, — улыбнулась я.

— Ай-я. Не так уж сильно я потолстел. — Притворно обидевшись, он направился вверх по лестнице. В папиной походке есть что-то развязное, даже когда он ходит по дому в одних носках. Детство, проведенное на улицах Чайна-тауна, дает о себе знать. Папа любит *сиу е*, поздний ужин. Яичные тарталетки покупает только в пекарне «Голден Гейт» на Грант-авеню в Чайна-тауне. Всегда садится спиной к стене, чтобы видеть все выходы из помещения. Я спросила как-то раз, почему он так делает, но он сменил тему.

Когда я зашла к себе в комнату, он уже возился с освещением.

— Йем, передай вон ту лампочку, — сказал папа, стоя одной ногой на спинке кровати, другой — на книжной полке. «Йем» — это «Мэй» наоборот и одновременно слово «ем». Такие вот у папы шутки.

— Ты же менял ее на прошлой неделе.

— Это светодиодные лампочки, они энергосберегающие. И продавались со скидкой. Не волнуйся, старые я оставлю про запас. — Его нога чуть не соскользнула с края полки.

— Осторожней, па.

— Все нормально, — легкомысленно ответил он. Затем добавил вполголоса: — Как у тебя дела, Йем?

— М-м. — Я знала, что он просто хочет меня подбодрить, но не собиралась обсуждать наш ужин. И маму тоже.

Папа молча вкрутил лампочку в патрон. Потом сказал заговорщическим тоном:

— Помнишь, когда я менял эту лампочку в прошлый раз, ты рассказывала мне про мальчика в школе. Как там его зовут? Джон, Джо, Джейкоб...

— Джош.

— Точно, Джош. Тихий мальчик, играет в футбол. Сын важного венчурного инвестора. Видишь? Я все помню. Он пишет тебе смешные записки в классе.

— Да, складывает их в маленькие бумажные мячики.

— Скажи ему, что тебе нельзя ходить на свидания, пока не исполнится сорок пять.

— Свидания? Какие еще свидания? Это для стариков, па. В наше время люди просто ищут, с кем бы замутить. — Я сделала вид, будто не заметила, как папа обеспокоенно вскинул брови, и залезла на кровать, чтобы найти телефон. Он у меня вечно теряется где-то под одеялом или между стеной и матрасом. — Да и вообще, он меня не интересуется. Мы просто друзья.

— Если он благоразумен, то пусть и дальше ограничивается записками. Ну вот и готово. — Папа с грохотом спрыгнул на пол и похлопал меня по спине. Стоя в дверях, он непринужденно добавил: — Твоя мама сейчас на кухне. Ты бы сходила, поговорила с ней.

Когда я вошла на кухню, мама кивнула мне и молча продолжила убирать остатки еды в холодильник.

Я загрузила и включила посудомоечную машину. Не считая шума воды, на кухне царила мертвая тишина. Дурацкий бегемот нарезал круги вокруг меня, как на арене цирка, пока я оттирала губкой кастрюли.

Наконец мама заговорила.

— Селеста *чжэньдэ хэнь сяошунь*¹, — сказала она. «Сяошунь» — это, считай, мамино любимое слово. Как-то раз я вбила его в поисковик и узнала, что оно переводится как «сыновняя почтительность». Не понимаю, почему не «дочерняя»? В общем, это уважение, послушание, забота и все остальные положительные качества в одном флаконе. Все хорошие китайские дети должны проявлять *сяошунь*.

Меня задело, что мама, оказывается, весь вечер думала про Селесту, в то время как я думала про нее. Пусть не очень лестные мысли, но все же про нее.

— Да, мам, она прямо идеал.

¹ Очень почтительный ребенок.

Я прикусила язык, чтобы не наговорить лишнего. Мама резко повернулась ко мне, почуяв невежливость.

— В чем дело, Мэйбелин?

— Ни в чем.

— Селеста думает о своем будущем и очень старается. Тебе есть чему у нее поучиться.

— Я тоже стараюсь, мам.

— Да ну? — Она защелкнула крышку на стеклянном контейнере. — Селеста *хэнь лихай*¹, но ты тоже могла бы попасть на стажировку в Google.

— Не хочу я ни на какую стажировку.

— Тогда чего ты хочешь?

Я почуяла подвох и не стала отвечать.

— Дэнни в твоем возрасте вступал во все клубы и был капитаном баскетбольной команды.

Я изо всех сил терла кастрюлю, будто пытаюсь отскрести тефлоновое покрытие. В моей голове эхом отдавались обрывки предыдущих разговоров. «Надо было записать тебя в летнюю школу или на образовательную программу. Дэнни в этом никогда не нуждался, он сам проявлял инициативу». Бегемот неодобрения уставился на меня не мигая, а мама продолжила складывать еду в контейнеры.

Впрочем, она еще не договорила.

— Ты тоже умна. Так умна, что не думаешь об учебе. Просто плывешь по течению. Тебя ничего не волнует.

¹ Большая умница.

— У меня хорошие оценки, мам.

— Хороших оценок недостаточно, Мэйбелин. — Она поставила контейнер в холодильник и повернулась ко мне. — Ты должна думать о будущем.

— Ладно, мам. — Моя рука с губкой будто двигалась сама по себе. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Медленно, чтобы мама не обвинила меня в дерзости.

Взглядом она сверлила мне затылок. Потом вздохнула:

— Я пытаюсь тебе помочь, Мэйбелин.

Я не ответила. От этого стало бы только хуже.

Время тянулось невыносимо медленно. Я убедилась, что тефлоновое покрытие не пострадало, и убрала кастрюлю на сушилку для посуды. Потом принялась за большие миски, не влезавшие в посудомойку. В последнюю очередь я сполоснула палочки и ложки. Мыть приборы совсем не интересно, так что я всегда оставляю их на потом. Закончив, я вытерла руки кухонным полотенцем и молча прошла мимо мамы.

ГЛАВА 3

Переодевшись в мешковатые спортивные штаны и свободную футболку, я рухнула на кровать. Она приняла меня в свои мягкие объятия, и я уткнулась лицом в подушку. Мое раздражение чуть поутихло.

Я выудила из-под матраса свой дневник. Пролистав старые рисунки, стихи, чувства и воспоминания, принялась писать на чистой странице.

Дверь отворилась, и в мою комнату проскользнула тень. Я поспешно запихнула дневник обратно под матрас. Я никому не показывала то, что пишу, даже старшему брату.

Дэнни подкрался ко мне, тихонько напевая «Lay Me Down», песню Сэма Смита. Постепенно его пение становилось все экспрессивнее.

— Позволишь лечь рядом с тобой? — Он драматично растягивал гласные. — Ря-я-я-я-я-я-ядом с тобо-о-о-о-о-ой, тобо-о-о-о-о-о-о-о-о-о-ой. Все ли с тобой хорошоо-о-о-о-о-о-о?

Я улыбнулась:

— Боже, Дэнни. Это еще хуже, чем обычно.

Он плюхнулся на кровать рядом со мной и завернулся в одеяло.

— Как ты, Мэй-Мэй? Я слышал только часть разговора. — Прозвище, которое он придумал для меня, — шутливое. Одновременно мое имя и китайское слово «*мэймэй*», младшая сестра.

— Все как обычно. Так каждый раз, когда приходит Селеста. — Я прижалась к Дэнни, и он похлопал меня по голове, как пуделя, а потом вздохнул:

— Еще и эта ее стажировка.

Я взмахнула руками:

— Ну конечно, ее позвали на стажировку в Google. Она же безупречна. Готовится выпуститься с отличием, получает престижные приглашения, а я что делаю? Попусту трачу свою жизнь, потому что у меня нет планов на лето.

Дэнни фыркнул:

— Могло бы быть и хуже.

— Да, я могла бы забеременеть.

— Прогулять уроки китайского.

— Сделать пирсинг в носу, как Кэлвин.

— Я слышал, его мама выдрала это кольцо с мясом. — Дэнни содрогнулся и потер собственный нос.

— Ну еще бы. — Я передразнила маму. — «Кольца в носу — это для свиней и коров!»

— У него нос, наверное, железный. — Мы вместе рассмеялись, потом затихли в колыбели нашего смеха.

Я немного выждала и перевернулась на спину.

— Почему ты не рассказал мне про Принстон, *гэг*?¹

Дэнни посерьезнел и будто бы съежился, глядя в потолок.

— Не знаю, — прошептал он. — Я как-то не особо рад.

— Не рад? Это же Принстон.

— Знаю. Надо радоваться, да? Кто угодно обрадовался бы.

— Но не ты. — Я повернулась и взгляделась в его лицо. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох и покачал головой.

— Я ничего не чувствую.

— Ну, можешь не поступать туда, если не хочешь. Тебя возмут куда угодно, раз уж взяли в Принстон.

Он снова покачал головой, и несколько минут мы лежали в тишине.

— Тебе все же ответили из Стэнфорда? — спросила я.

Он кивнул, не открывая глаз.

— Меня не взяли. — Он помолчал. — Я не хотел портить настроение за ужином. Все так радовались.

Дэнни мечтал попасть в Стэнфорд с тех пор, как несколько баскетболистов оттуда посетили нашу школу. Я тогда ходила в подготовительный класс и ничего не помню, но Дэнни уже учился во втором. Он пришел в полный восторг, выпросил у родителей стэнфордскую толстовку и носил ее так часто, что она даже после стирки продолжала пованивать. Прошлой осенью он уже подавал документы в Стэнфорд, но ему сказали подождать до следующего года.

¹ Сокращение от «*гэгэ*» — старший брат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru